

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

«Российская тюркология» – преемник и продолжатель журнала «Советская тюркология», издававшегося как совместный орган АН СССР и АН АзССР (Баку, 1970–1991 гг.). -

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), К. Абдулла (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Т.М. Гарипов (Уфа), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), А. Меметов (Симферополь), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), М. Ольмез (Турция), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),

Заместители главного редактора: Е.А. Оганова (Москва),

Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург),

Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва),

А.И. Геляева (Нальчик), А.В. Дыбо (Москва), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Новосибирск), Ю.В. Псянчин (Уфа), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), Ж.С. Сыздыкова (Москва), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Ф.С. Хакимзянов (Казань), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.В. Есипова (Новокузнецк), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Али Осман Шенол (Москва).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 2(15)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2016

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists,
Russian Academy of Sciences, Branch of History

«**Rossijskaja tjurkologija**» (Russian Turkology) is an heir and successor of the journal «**Sovetskaja tjurkologija**» (Soviet Turkology) that was a joint organ of the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (Baku, 1970–1991)

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Sh.H. Akalin (Turkey), K.A. Bicheldey (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galvautdinov (Ufa), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), A. Memetov (Simferopol'), K.M. Minnullin (Kazan), K.M. Musaev (Moscow), M. Ölmez (Turkey), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk), V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), (Moscow), M.Z. Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N. Telitsin (St. Petersburg),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
M.D. Chertykova (Abakan), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik),
F.S. Khakimzyanov (Kazan), I.V. Kormushin (Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), I.A. Nevskaya (Novosibirsk), L.S. Selendili (Simferopol'), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), Zh.S. Syzdykova (Moscow), Yu. V. Ps'anchin (Ufa), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk).

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), Ali Osman Shenol (Moscow), A.V. Yesipova (Novokuznetsk).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 2(15)

MOSCOW–KAZAN 2016

**РОЛЬ ТАРИКАТА НАКШБАНДИЙЙА В МЕНЕМЕНСКОМ
ИНЦИДЕНТЕ 1930 ГОДА**

М. А. Козинцев, г. Санкт-Петербург

Резюме. В статье рассматривается одна из трагических страниц истории Турции, связанная с мятежом, произошедшим в административном округе Менемен провинции Измир 23 декабря 1930 г. В ответ на акцию фанатиков власти прибегли к масштабным репрессиям против суфийских братств по всей стране. Автор обращается к религиозной составляющей события и стремится показать роль, которую играли некоторые лидеры тариката Накшбандиййа в подготовке и осуществлении мятежа.

Ключевые слова: тарикат Накшбандиййа, менеменский инцидент, суфийские братства, кемализм, история Турции

История Турции XX в. предоставляет в распоряжение исследователя значительный материал, касающийся политической деятельности религиозных организаций. Немалая часть этого материала приходится на тарикат Накшбандиййа, традиционно являвшийся крайне активным в политическом и социальном плане суфийским братством.

Известно, что тарикат, среднеазиатская ветвь которого проникла в Османскую империю ещё в XV в. [Акимушкин 1991: 187], быстро обзавёлся сторонниками среди политической и духовной элит государства и непрерывно наращивал своё влияние на протяжении нескольких веков. Анализ исторических событий показывает, что наряду со значительным вкладом в распространение ислама и поддержку религиозной мысли Турции, лидеры данного тариката порой оказывали негативное влияние на социальные процессы в стране. Описывая характер этого влияния, И.-З. Эюбоглу отмечает следующее:

«На протяжении веков члены тариката Баха' ад-дина Накшбанда, находившиеся в разных частях Анатолии, противодействовали любым прогрессивным инициативам, а также, прямо или опосредованно, провоцировали крупные восстания. Как в начале национально-освободительной борьбы, так и в последующие годы они подстрекали население к участию в восстаниях – восстании Шейха Саида (1925) в Восточной Анатолии и инциденте в Менемене на западе страны. Их деятельность была нацелена на возрождение султаната, халифата и шариатского государства. Для членов Накшбандиййи, которые представляют собой ярых сторонников шариата, кроме последнего, не существует никакого закона» [Eyuboğlu 1993: 230].

В качестве наиболее яркой иллюстрации того, как происходило и чем заканчивалось открытое противостояние радикально настроенных религиозных сил с властями в период правления Ататюрка, как турецкие, так и отечественные исследователи чаще всего приводят восстание, произошедшее в 1930 г. в

округе Менемен провинции Измир. В Турции это событие также известно под названием «Происшествие с Кубилаем» (тур. Kubilay Olayı) – по имени офицера Мустафы Фехми Кубилая, первым отправившегося на подавление мятежа. Оно подробно освещалось в прессе и описано в ряде турецких исторических исследований. К примеру, С. Акшин, рассматривая политику властей по внедрению многопартийной системы, указывает на то, что возврат к прежнему однопартийному порядку обычно вызывал всплеск насилия в регионах, где были популярны созданные кемалистами оппозиционные партии [Akşin 1998: 191].

В отечественной науке менеменский инцидент дважды упомянут Д.Е. Еремеевым – в книгах «На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках)» и «Становление республиканской Турции (1918–1939 годы)». В обоих случаях причиной трагических событий называется сложная экономическая обстановка в стране. «Развитие капиталистических отношений в Турции неизбежно вело к социальным катаклизмам. А в 30-е гг. на слабой турецкой экономике пагубно сказались и последствия мирового экономического кризиса» [Еремеев 1980: 162]. Кроме того слышались отголоски неудачных экспериментов М.К. Ататюрка по внедрению в стране двухпартийной системы, имевших своим итогом сохранение прежнего порядка и политические репрессии. В сложившейся ситуации население, которое и без того испытывало разочарование в экономической политике правительства, оказалось лишено «возможности легально протестовать против экономических и социальных неурядиц» [Еремеев 2004: 179], что вылилось, по мнению Д.Е. Еремеева, в менеменский мятеж.

В отличие от Д.Е. Еремеева, который ставит на первый план социально-экономический аспект, Н.Г. Киреев подчёркивает его идеологическую составляющую, отмечая, что «формирование государственной идеологии ... началось с крутого поворота к светскости» [Киреев 2007: 169]. Этот поворот произошёл не сразу – в начале 20-х гг. М.К. Ататюрк предпринял ряд попыток заручиться поддержкой влиятельных суфийских лидеров. Причина была вполне понятна: «на протяжении всей истории Османской империи тарикаты выполняли важные религиозные и социальные функции. На психологическом уровне они обладали мистическим и эмоциональным значением для простых подданных ... а также обеспечивали своим членам защиту и возможность повышения социального статуса» [Шлыков 2011: 102]. До 1925 г. правительство, стремясь прежде всего «обеспечить социальную стабильность в Восточной Анатолии» [Шлыков 2011: 104], оказывало внушительную финансовую помощь ряду обитателей. Однако последовавшие вскоре массовые выступления курдов (1924), а затем – восстание Шейха Саида (Накшбанди. – М. К.) повернули вектор кемалистской политики в противоположную сторону; «Мустафа Кемаль начинает кампанию против тарикатов» [Шлыков 2011: 104]. Считается, впрочем, что наступление на «народный ислам» и без того было делом времени, поскольку его институты не сочетались ни с принципами нового государства, ни с авторитарной политикой властей [Шлыков 2011: 105]. Стали массово закрываться обители, а вместе с их ликвидацией – также и вакфы, на средства которых они существовали. Таким образом, суфийские братства вынуждены были либо самораспускаться, либо уходить в подполье; их лидеры стремительно утрачивали бывшее влияние и социальный статус, многие подверглись преследованию. Притесняемые властями, они испытывали ненависть к новому государственному устройству, правительству и проводимым реформам. Однако далеко не все были настроены на противостояние, особенно открытое. Несмотря на то, что некоторые тарикаты (Бекташийя, Мевлевийя)

традиционно были влиятельной политической силой, большинство из них предпочитали избегать открытого вмешательства в государственные дела, в то время как «Накшбандийя так и осталось единственным братством, которое считало не только допустимым ..., но и обязательным вступать в контакт с властями, чтобы ... влиять на их политику в отношении народных масс» [Акимушкин 1991: 188]. Таким образом, тарикат, имевший наибольшее число сторонников, оказался в числе активных противников политики Ататюрка.

Кроме того, неудачи политики М.К. Ататюрка в сочетании с отменой и порицанием привычных норм религии естественным образом вызывали недовольство широких слоёв населения, основная часть которого была неграмотной. Прежние авторитеты, в первую очередь местные духовные лидеры, всё ещё продолжали играть важную роль в сознании формирующейся турецкой нации. Такое положение было актуально как для городов, сохранявших черты османского устройства, так и для сельской местности. Причём если в крупных городах правительство сумело в короткий срок провести всесторонние преобразования, то в провинции долгое время слышны были отголоски прежних устоев и социальных связей. Одной из главных причин тому была нехватка обученных кадров – учителей, врачей, управленцев. Многие города Западной Анатолии всё ещё лежали в руинах после недавно завершившейся национально-освободительной борьбы [Çetinkaya 1986: 10]. Тем не менее нельзя утверждать, что периферийные области были полностью оторваны от центра, как не следует приписывать их жителям чрезвычайное тяготение к старому порядку. Но нужно учитывать также и то, что в различных регионах молодой Турецкой Республики продолжала действовать невидимая на первый взгляд власть духовных авторитетов, способная подчинять себе доверчивых граждан.

Несмотря на то, что в отечественной литературе инцидент, произошедший в округе Менемен, в общих чертах освещён, роль тариката Накшбандийя в нём прежде не становилась предметом отдельного рассмотрения.

Полезным источником для оценки этой роли выступает «Журнал протоколов ВНСТ», в 25 томе которого содержатся материалы допросов участников мятежа. Кроме того, стоит упомянуть книгу турецкого писателя и журналиста Х. Четинкая [Çetinkaya 1986], посвящённую менеменскому инциденту и тарикатам. Эти источники позволяют проследить настроения в турецком обществе рубежа 20–30-х гг. и понять, какое влияние оказали местные духовные авторитеты при подготовке и осуществлении мятежа.

Описывая мятеж, Х. Четинкая с самого начала указывает на то, что он имел организованный характер. Подготовка проходила в несколько этапов. Суммируя сказанное, можно условно разделить её на две части – предварительную и непосредственную.

Предварительная подготовка заключалась в укоренении ячейки тариката в регионе. Сам идейный вдохновитель и руководитель восстания, Шейх Эсад, проживал в Стамбуле, где сумел собрать вокруг себя представителей старой османской интеллигенции, имевшей влияние ещё во времена Абдул-Хамида II. Эти люди, близкие суфийским учениям, считали себя хранителями подлинного благочестия и разума и называли своего лидера «Вершиной вершин» (осм. *Kutb-ül-aktab*) [Çetinkaya 1986: 18]. В окружении этого сообщества, сплотившегося вокруг Шейха Эсада, воспитывался и его сын Мехмед Али, воспринимавшийся всеми как «принц». Однако Шейх Эсад не намеревался ограничиваться приобретённым влиянием. Своей целью он поставил закрепление в Эгейском регионе, для чего направил в Манису – крупный центр регио-

на, своего наместника по имени Лаз Ибрагим, занимавшего ранее пост управляющего Менеменским военным госпиталем.

Стоит помнить, что к тому времени в Турции уже вышел запрет на ношение религиозной одежды вне богослужений, а также были отменены все многочисленные религиозные и квазирелигиозные звания и титулы. Х. Четинкая так описывает обстановку в городе: «Маниса ещё хранила на себе налёт османского прошлого. Все обитатели (текке, завии) хоть и были закрыты, но тайно продолжали функционировать. Республика Ататюрка смелá ... отжившие институты, но в это же время безумец по прозвищу Шейх Эсад назначал Лаза Ибрагима верховным наместником» [Çetinkaya 1986: 18]. Последний обосновался в Манисе и начал успешно распространять учение тариката, снискав популярность среди подростков из числа подмастерьев. Будучи необразованными, эти подростки искренне верили всему, что им внушал Лаз Ибрагим, а один из адептов, Мехмед Гиритли, сыгравший впоследствии главную роль в восстании, даже объявил себя мессией. Его собратья выразили желание на деле проверить это заявление.

В дальнейшем сообщники несколько раз собирались в домах друг у друга. Последнее такое собрание состоялось 6 декабря 1930 г.; на нём был составлен окончательный план действий. Было решено организовано, с оружием в руках, начать мятеж в Менемене.

Всего подростков было шестеро, а их предводителем стал ложный мессия Мехмед Гиритли, которого остальные называли также дервишем. Сначала мятежники кочевали из деревни в деревню, останавливаясь у родственников. Известно также, что в окрестностях селения Сямбюллю они соорудили лачугу, в которой все вместе тайно совершали зикр. Они прибегали к тщательной конспирации, не посвящая в свои намерения никого из родственников.

23 декабря на рассвете мятежники вошли в окружной центр, городок Менемен. Мехмед Гиритли и его сообщники были в одежде охотников. Первым делом они отправились в мечеть, где сорвали и забрали с собой висевшее над михрабом зелёное знамя.

Видевшие восставших местные жители поначалу приняли их за охотников и находились в замешательстве от происходившего. А после и вовсе испугались, когда «дервиши» стали угрожать всем, кто был в мечети, оружием. Очевидец тех событий, Осман Юртсевер, позднее заявлял, что «жители Менемена ни малейшего понятия не имели, что тогда происходило» [Çetinkaya 1986: 21]. Он описывает мятежников, как молодых людей, ещё практически детей, однако яростных, неистовых фанатиков, с налитыми кровью глазами. В руках у их предводителя Дервиша Мехмеда (Гиритли) (его имя О. Юртсевер, как и другие свидетели, узнал в ходе следствия), было ружьё.

Мехмед Гиритли устрашал людей у мечети выстрелами, которые в то же время привлекали народ городка. Когда у мечети скопились любопытные, он объявил, что Менемен окружён, а его сообщники требовали, чтобы все собрались у зелёного знамени. Вмешавшийся капитан жандармерии, поняв, что силы неравны, удалился. Мятежники тем временем уже объявили о создании халифата. После этого толпа начала расходиться, остались лишь особо любопытные. С собой мятежники силой увели нескольких подмастерьев. Капитан жандармерии, осознав, что ситуация принимает опасный оборот, поспешил сообщить о происходящем в расположение командования 47 пехотного полка. Для усмирения фанатиков на место прибыл с отделением солдат М.Ф. Кубилай, проходивший службу в качестве лейтенанта запаса. Дервиш Мехмед

практически сразу открыл огонь и смертельно ранил Кубилая, после чего народ начал в панике разбегаться, а самопровозглашённый мессия набросился на труп лейтенанта и ножом отделил его голову от тела. Квартальный сторож Хасан попытался оказать мятежникам вооружённое сопротивление, однако вскоре сам был убит, сумев ранить двоих. Затем подобным образом погиб второй сторож, Шевки. Солдаты, в свою очередь, также открыли огонь по убийцам и мятежникам, но никак не сумели их остановить – патроны в их винтовках были учебными. Для лжемессии Мехмеда это было знаком: он незамедлительно объявил, что его «пули не берут». Однако подоспевшие вскоре подкрепления быстро переломили ситуацию: в результате обстрела боевыми патронами Дервиш Мехмед и два его сообщника были буквально изрешечены; ещё двое мятежников пытались бежать, но были пойманы [Çetinkaya 1986: 22–24].

Материалы допросов задержанных, приведённые в «Журнале протоколов ВНСТ», содержат богатые сведения о внутренней организации и отношениях между суфиями в тарикате.

Например, подробно описывается твёрдость и полная решимость Дервиша Мехмеда при подготовке и проведении акции. Не имея точных предписаний, он стремился посвящать зикру всё своё время и принуждал к этому своих последователей, многие из которых, с лёгкостью поверив в его богоизбранность, следовали за ним. В сооружённой самими «суфиями» хижине они провели 15 дней, практически непрерывно совершая зикр. Обвиняемые неоднократно подтверждали в своих показаниях, что находились под действием наркотиков, которые постоянно курили во время радений [ТВММ ЗС 1931: 11]. Доверчивые местные жители, узнав о том, что поблизости расположились дервиши, снабжали их едой. «Поддержка» местных жителей в самом Менемене также проистекала от незнания реальных целей мятежников. Один из обвиняемых на допросе сказал следующее: «Мехмед объявил о том, что он мессия, что они не принадлежат ни к какой организации. Сказал, что их цель – спасение ислама, и они будут здесь совершать зикр. Некоторые из услышавших это жителей выразили одобрение и присоединились к ним» [ТВММ ЗС 1931: 12]. Он подтвердил случившееся вскоре убийство Кубилая, а также то, что Дервиш Мехмед первым применил оружие. По словам другого допрашиваемого, пособники Мехмеда до последнего не знали, куда и для чего направляются [ТВММ ЗС 1931: 15–16]. Из общего содержания протоколов можно заключить, что Дервиш Мехмед избрал такую тактику не случайно: после того как некоторые сообщники бежали, он стал бдительно следить за оставшимися [ТВММ ЗС 1931: 10]. Держать их в подчинении помогало частое совершение зикра, а также наркотики, которые активно употреблялись как во время радений, так и в часы отдыха.

Реакция властей на акцию фанатиков была жёсткой. Чтобы определить наказание для мятежников, был организован Военный трибунал (осм.-тур. *Divan-ı Harp Mahkemesi*). Участники мятежа были приговорены к смерти и казнены. По приговору суда казнён 31 человек. Самым молодым, не достигшим совершеннолетия, а также престарелым (всего 6 человек) казнь была заменена 24 годами тюрьмы. Ещё 41 осуждённому были назначены различные сроки (от 15 лет до 1 года). 27 обвиняемых были оправданы [ТВММ ЗС 1931: 2–4].

Несмотря на то, что жители Менемена не оказали массовой поддержки восставшим, во время разбирательства нашлось немало тех, кто одобрял их действия.

Мустафа Кемаль был потрясён случившимся, а сообщения о том, что действия восставших были встречены одобрительно местным населением, и вовсе привели его в ярость. Он приказал сровнять с землёй городок Менемен и уничтожить братство Накшбандиййа.

Итог, который имели в совокупности все судебные процессы по делу в Менемене заключался в признании членов всех тарикатов – в первую очередь Накшбандиййи, который «был в целом сочтён виновным» [Киреев 2007: 220], – врагами принципов светского государства, а следовательно, и Республики.

В ходе последовавших репрессий в тюрьме среди прочих оказалось несколько видных суфийских шейхов. Одним из них был тот самый стамбульский халидийский (ветвь Накшбандиййи) шейх Мехмед Эсад Эрбилли; он вскоре скончался в заключении (предположительно был отравлен), а его сын был казнён. Существует мнение, что правительство срежиссировало все события именно с целью ликвидировать данного влиятельного суфийского лидера [Weismann 2007: 152].

Другим шейхом был Абдул-Хаким Арваси. Выйдя из тюрьмы, он закрыл свою обитель, действовавшую в стамбульском районе Эюп с конца Первой Мировой войны, однако продолжил суфийскую деятельность, занявшись написанием книг на религиозную тематику. Его взгляды оказали влияние на многих интеллектуалов Турции, например, на чрезвычайно популярного в 20–30-х гг. поэта Неджиба Фазыла Кысакюрека (1904–1983), одного из реформаторов турецкой поэзии. Сегодняшним преемником обители Абдул-Хакима Арваси можно считать джамаат Ышыкчи (тур. *Işıkçılar Semaati*), также действующий в Стамбуле, в районе Эюп [Weismann 2007: 152].

В завершение стоит заметить, что действия мятежников не отражали позиции всех членов братства Накшбандиййа, действовавших в обителях, разбросанных по многим регионам Турции. Однако подобные акции, вне всякого сомнения, были крайне опасны и могли в любой момент перерасти в крупномасштабное восстание. Подобно курдскому восстанию под руководством Шейха Саида, менеменский мятеж был жёстко подавлен. Хотя власти действовали максимально решительно, запретив сразу все тарикаты, проблема, в сущности, не была решена – недовольство ушло в подполье вместе с руководителями закрытых обителей и их последователями.

При всём этом, в попытке исправить сложившееся положение, репрессии не были единственным рычагом воздействия властей. Вскоре после инцидента в стране стали открываться «народные дома» – центры ликвидации безграмотности и распространения идей кемализма. По мнению С. Акшина, возросшее внимание М.К. Ататюрка к вопросам культуры в последующие годы следует связывать именно с потрясением, которое он испытал от известий о животной жестокости мятежников в Менемене [Akşin 1998: 191].

Литература

Акимушкин 1991 – *Акимушкин О. Ф.* Накшбандийа // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 187–188.

Еремеев 1980 – *Еремеев Д. Е.* На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). – М.: «Наука», 1980. – 238 с.

Еремеев 2004 – *Еремеев Д. Е.* Становление республиканской Турции (1918–1939 годы). – М., 2004. – 220 с.

Киреев 2007 – *Киреев Н. Г.* История Турции. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – 608 с.

Шлыков 2011 – *Шлыков П. В.* Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. – М.: Изд. дом Марджани, 2011. – 560 с.

Ақşин 1998 – *Ақşин S.* Ана Çizgileriyle Türkiye'nin Yakın Tarihi (1789–1980). – Ankara, 1998. – 262 s.

Çetinkaya 1986 – *Çetinkaya H.* Kubilay Olayı ve Tarikat Kampları. – İst.: Boyut Yayınevi, 1986. – 257 s.

Еyубоғлу 1993 – *Еyубоғлу İ. Z.* Günün Işığında Tasavvuf Tarikatlar Mezhepler Tarihi. – İst.: DER Yayınevi, 1993. – 493 s.

TBMM ZC 1931 – Menemen hadisesini ika ve teşkilâtı esasiye kanununu cebren tağyire teşebbüs edenlerden 37 şahsın ölüm cezasına çarpılması hakkında 3/564 numaralı Başvekâlet tezkeresi ve Adliye Encümeni mazbatası // TBMM Zabıt Ceridesi. Cilt 25. Sıra 58. Ankara, 1931. – 91 s.

Weismann 2007 – *Weismann I.* The Naqshbandiyya: Orthodoxy and activism in a worldwide Sufi tradition. – London and New York: Routledge, 2007. – 208 p.

Kozintcev M. The Naqshbandiyya's role in the Menemen incident of 1930

Summary. The article addresses one of the tragic events of the Turkish history, namely the riot in the Menemen district, Izmir province, on December 23, 1930. A group of young fanatics inspired by radical religious leaders of the Naqshbandi tariqa started a rebellion aimed at destruction of the Republican form of government and re-establishing a sharia state and a sultanate. In response to the fanatics' revolts, the government had to resort to mass repressions against the Sufi brotherhoods across the country. The author of the article focuses on the religious component of these events and seeks to highlight the role of certain religious leaders in inciting the uprising as opposed to the conventional view of the Russian historical studies, their approach being mostly based on social and economic analysis.

Key words: the Naqshbandi tariqa, the Menemen Incident, Sufi brotherhoods, Kemalism, Turkish history



СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Гузев В.Г.</i> (Санкт-Петербург). О семантике состояния и обладания в тюркских перфектах	3
<i>Бурькин А.А.</i> (Санкт-Петербург). Тюрко-монгольские и тюрко-тунгусо-маньчжурские лексические связи в новой перспективе: Возможности алтайской теории для выявления древних языковых контактов	13
<i>Дыбо А.В., Шеймович А.В., Крылов С.А.</i> (Москва). Расстановка семантических и деривационных тэгов в электронном хакасско-русском словаре	28

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

<i>Алимов Р.</i> (Мардин, Турция). О двух новых списках сочинения Кадыр Али-Бека	40
<i>Кандахар А.Х.</i> (Навои, Узбекистан). Шейх Худайдода Вали и его духовное наследие	49
<i>Козинцев М.А.</i> (Санкт-Петербург). Роль тариката Накшбандиййа в Менеменском инциденте 1930 года	54

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Гаджиева А.А.</i> (Москва). Фразеологизмы с компонентами-зоонимами в казахском, арабском и русском языках	61
<i>Тошхужаева Ш.Г.</i> (Коканд, Узбекистан). Лингвопоэтическое исследование художественной литературы: описательные средства	67
<i>Хошимхуджаева М.М.</i> (Ташкент). Формирование фитонимической лексики узбекского языка	74
<i>Добродомов И.Г.</i> (Москва). <i>Нарты</i> в Восточной Европе	80
<i>Сыздыкова Ж.С., Жигульская Д.В.</i> (Москва). Новейшая история Казахстана: новые горизонты	86

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Бурькин А.А.</i> (Санкт-Петербург). К соотношению монгольской и тюркской деривации: к выходу одной монографии	91
--	----

PERSONALIA

Гиниятулла Сафиуллович Кунафин	97
--------------------------------------	----

НЕКРОЛОГИ

Ишмухамет Гильмутдинович Галяутдинов	100
Ахмет Мухаметвалеевич Сулейманов	104

ИНФОРМАЦИЯ

Протокол пленарного заседания Годичного собрания Российского комитета тюркологов	109
Наши авторы	110
СОДЕРЖАНИЕ	112

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>Guzev V.G.</i> On the semantics of state and possession in Turkic perfect	3
<i>Burykin A.A.</i> Turkic-Mongolian and Turkic-Manchu-Tungusic lexical relations in the new perspective: opportunities of the Altai theory in detecting ancient language contacts	13
<i>Dybo A.V., Sheimovich A.V., Krylov S.A.</i> Creation of semantics and derivation tags in the electronic Khakas-Russian dictionary	22

LITERARY CRITICS, FOLKLORE STUDIES, CULTURAL SCIENCE

<i>Alimov Rysbek.</i> Two newly discovered copies of works of Kadir Ali Bek	40
<i>Kandahar Anvar Hasanovich.</i> Sheikh Hudoydoda Valle and Spiritual Heritage	49
<i>Kozintcev M.</i> The Naqshbandiyya's role in the Menemen incident of 1930	54

REVIEWS

<i>Gadzhieva A.A.</i> Idioms with zoonyms in the Kazakh, Russian and Arabic languages	61
<i>Toshkhujaeva Shoirahon.</i> Lingua-poetic research of fine literature: descriptive means	67
<i>Khoshimkhudjaeva M.M.</i> Formation of fytonymy lexicon of the Uzbek language	74
<i>Dobrodomov, I.G.</i> Narty in Eastern Europe	80

<i>Syzdykova, Zh.S., Zhigul'skaja D.V.</i> The history of Kazakhstan of the most recent periods: new horizons	86
---	----

RECENSION

<i>Burykin A.A.</i> On correlation of Mongolic and Turkic derivation systems: publication of the monograph: Rassadin V. I., Trofimova S.M. On correlation of Mongolic and Turkic grammar elements in Turkic-Mongolic language unity. – Élista: Izdatel'stvo Kalmyckogo gosudarstvennogo universiteta (KGU), 2012. – 180 p.	91
---	----

PERSONALIA

Ginijatulla Safiullovič Kunafin	97
---------------------------------------	----

OBLITUARIES

Ishmuhamet Gil'mutdinovič Gal'autdinov.....	100
Ahmet Muhametval'ejevič Sulejmanov.....	104

INFORMATION

Plenary session of the Committee of Russian turcologists....	106
.....	
Our authors	110
Contents	112

РОССИЙСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

Издатель: ИП *И.В. Кормушин*,
от имени Российского комитета тюркологов
при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:
Выпускающий редактор *Ф.С. Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф. Хакимзянова*
Технический редактор *А.М. Галимова*
Дизайн обложки *Ф.Н. Латыповой*

С готового оригинал-макета подписано в печать 27.02.2017.
Формат 70x108^{1/16}
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 7.1. Печать RISO.

ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46, тел. (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо